

"Метель". - "Два гусара" повести графа Л. Н. Толстого

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

[OCR Бычков М.Н.](#)

Немногие русские литераторы начинали свою деятельность так счастливо, правильно и разумно, как начал ее граф Л. Н. Толстой, автор "Детства", "Отрочества", "Записок маркера", "Севастополя в декабре, марте и августе", "Рубки леса" и последних произведений, названных в заглавии нашей рецензии. Мы и не говорим уже о том, что даровитый повествователь имел счастье начать свою деятельность в период полного сближения между русскими деятелями по литературной части¹, в период терпимости, дружелюбия и, по возможности, ясных взглядов на искусство - это закулисные обстоятельства русской журналистики, о которых публика может не знать ничего, или почти ничего, без большого для себя ущерба. В самой литературной карьере графа Толстого, в порядке его произведений, в приеме, им сделанном, мы не можем не видеть правильного, многообещающего развития, необходимого всякому сильному таланту. Автор "Детства", едва выступив на литературное поприще, не встретил от публики ни холодности, ни мгновенного сильного успеха, всегда почти действующего на молодых писателей довольно вредно. Масса читателей прочла его первую повесть с удовольствием, запомнила начальные буквы, которыми было подписано произведение, и затем сохранила свои похвалы до дальнейшего времени. Люди, привычные к пониманию поэзии и зорко следившие за всеми новыми явлениями в отечественной словесности, одни приветствовали появление нового таланта с горячностью - таким образом, успех произведений графа Л. Н. Толстого прежде всего начался в круге писателей и истинных дилетантов² по литературной части. Известность, начавшаяся так разумно, с каждым годом увеличивалась в самой правильной постепенности. Повесть "Отрочество" утвердила все надежды, возлагаемые на нового писателя. "Записки маркера" показали в нем человека, хорошо понимающего многие грустные стороны современной жизни. Ряд кавказских сцен, называвшихся, если мы не ошибаемся, "Набег", привлек к графу Толстому симпатию многих читателей военного звания. Полный, неоспоримый, завидный успех нового повествователя начался с его очерков Севастополя, при начале, в самом разгаре и при конце его знаменитой осады. Тут уже каждое слово, каждая мастерская подробность, каждое замечание талантливого писателя, свидетеля великих сцен великой драмы, было оценено и встречено общою симпатиею. Вся читающая Россия восхищалась Севастополем в ноябре, Севастополем весною, Севастополем в августе месяце. Вся читающая Россия видела в поэтических рассказах графа Толстого не одни любопытные факты, сообщаемые очевидцем, не одни восторженные рассказы о подвигах, способных воодушевить самого бесстрастного рассказчика. Всякий читатель, одаренный здравым смыслом, видел и знал, что на небольшом клочке земли, приковывавшем к себе взоры всего света через необыкновенные дела, там происходившие, находился настоящий русский, военный писатель, одаренный зорким глазом, слогом истинного художника, писатель, готовый делиться с публикою историею всего им виденного и пережитого во время осады Севастополя. Замечательно, что из числа всех неприязненных держав, войска которых бились под стенами нашей Трои, ни одна не имела у себя хроникера осады, который мог бы, соперничать с графом Львом Толстым, автором немногих заметок о Севастополе, небольших по объему и далеко не охватывавших всего предмета. Наше уверение мы произносим со знанием дела, ибо не только во время войны внимательно следили за корреспондентами иностранных газет, но даже имели терпение перечитать большое количество рассказов и записок, набросанных как зрителями, так и участниками севастопольской осады. О Турции и Сардинии говорить нечего - первая не имеет писателей, вторая подарила нам только небольшое число страниц, преисполненных самого смешного бомбаста. Французская литература представила книгу бездарного Базанкура³, книгу почти единственную за все время, ибо статей и брошюр военно-ученого содержания мы считать здесь не можем. Англия была богата отличными корреспондентами газет, и из них некоторые, особенно знаменитый корреспондент газеты "Times"⁴, превосходили графа Толстого великолепной художественностью изложения, замеченною всеми европейскими читателями. И несмотря на огромность таланта, британские корреспонденты были все-таки не чем иным, как фельетонистами⁵, хотя фельетонистами великого дарования. Они гнались за красотой слога, были бедны по части